

М.Л.Штейнберг

За давностью лет я уже не помню, как мы познакомились с профессором Юрием Григорьевичем Борисовичем. Наверное, это и не важно. - Раз уж познакомились — любому человеку понятно, что так было надо.

Но по-настоящему мы наладили отношения вот когда. Открывали Музей растительного покрова Центрального Черноземья на биолого-почвенном факультете. Вижу: идут математики Юрий Григорьевич Борисович и Юрий Иванович Сапронов. Поскольку в иных ситуациях сдерживаться иногда я не могу, то потому и сказал, насколько мог, приветливее: — А вот и цифирная общественность! Юрий Григорьевич тонко улыбнулся:

— Цифирная общественность — это бухгалтеры.

Недавно мы тут вспоминали былое, так вот: профессор Сапронов эту «цифирную общественность» тоже до сих пор помнит. Надеемся, что бухгалтеры на нас не обидятся... Не обижался же Борисович на «профессора арифметики»?

Мы с Юрием Григорьевичем, будучи явными перипатетиками, часто гуляли по коридорам университета. Думаю, что тему наших бесед можно было бы назвать словом «политэкономия». Ничего удивительного: это были 1990-е годы. Совсем недавно

государство СССР перестало существовать в качестве геополитической реальности, и страна переходила к новой системе экономики, так что поговорить было о чем!

Начиналась компьютеризация ВГУ, и наша газета по некоторым причинам сильно отставала: какое-то время полиграфическая база ИПФ «Воронеж» силами своих участков набора и верстки однозначно покрывала наши потребности. Потом как-то явочным порядком стали возникать дополнительные компьютерные работы — разумеется, как всегда, неотложные — и Юрий Григорьевич помогал нам, предоставляя машинное время на кафедральном компьютере. (В скобках замечу, что еще одним компьютерным спонсором был доцент Яков Аронович Израилевич.) Так как-то вот и сложились отношения нашей редакции с кафедрой алгебры и топологических методов анализа (она тогда располагалась на втором этаже, в комнате № 208). Сейчас кафедра находится на третьем этаже, заведует ею профессор В.Г. Звягин. Совсем не-

долго Юрий Григорьевич успел поработать и в новом помещении. Юрий Григорьевич с большим уважением относился к тому, что сейчас называется гуманитарным знанием. О литературе мы с ним разговаривали часто и помногу. Однажды он очень серьезно сказал, что пишет стихи и хочет стать участником Дня поэзии ВГУ. Стихи (конечно, любительские) были приняты и напечатаны. Я из этих стихов запомнил строчку про дачу: «Топают мои внуки по дорожке» (цитирую по памяти). Вот ведь: уже и внуки давно выросли, а строчка помнится. Разговаривал я как-то с поэтом Аркадием Пресманом. Он говорит:

— А я открыл нового поэта, это Оля Борисович!

— И я тоже открыл нового поэта, это папа Оли Борисович!

— ?!

А вот как мы с Маршаком проштрафились. Обсуждали мы как-то поэзию Валерия Брюсова и очень сильно разошлись во мнениях. Я процитировал Самуила Маршака, который говорил, что мещанский романс «Маруся отравилась» на самом деле культурнее всех стихов Брюсова, вместе взятых. Юрий Григорьевич возмущенно промолчал. И как-то этак вот горько махнул рукой.

— Нет, — тихо сказал он, — нет!

...Известно, что воронежец в столице обязательно встретит земляка. В 1995 году я собрался на конференцию в Ригу, а потому пришлось командироваться в Москву за латвийской визой. В ожидании,

пока консульский отдел посольства проштампует мой загранпаспорт, я гулял по Москве. Ну, думаю, «правило встречи воронежца» обязательно должно сработать. И точно: в Александровском саду я встретил историка Сашу Филюшкина. Все правильно. Теперь нужно ждать, когда заработает второй закон — известный закон парности.

Вечерело. Вагон поезда на Воронеж стоит на вокзале под посадкой, пассажиры занимают места. Напротив устраивается мальчиш-милиционер, к месту службы добирается самостоятельно, он только что призван и уже едет в Чечню. Самый разгар первой чеченской кампании, настроение у него, мягко выражаясь, нерадостное. Вижу в окно: по перрону бодро идет профессор Ю.Г. Борисович. Да. Все правильно: если Юрий Григорьевич едет в нашем вагоне, то это и будет классическим случаем срабатывания второго закона. Законы природы для того и созданы, чтобы неукоснительно исполняться. И вот уже математик Борисович катит за собой тележку с багажом по коридору нашего вагона. А поскольку я удержаться иногда не могу (см. выше), то:

— Юрий Григорьевич, я здесь по заданию ректората с целью водворить вас на рабочее место!

Юрий Григорьевич останавливается, оборачивается — и видит: слева сижу я, а справа сидит милиционер и смотрит на него, признать, с большим интересом.

Немая сцена, о-о-очень похоже на Гоголя. Только, извините, не в театре, а на самом деле! За давностью лет, при всем желании, я уже вряд ли смогу вспомнить, до этого случая или после него Юрий Григорьевич решительно заявил, что отдельные мои высказывания нужно бы высекать золотыми буквами у входа в Главный корпус университета... Я слегка протестовал, но безуспешно: упрямый Борисович остался при своей точке зрения. Все хорошо, что хорошо кончается. Ехали мы вместе: находчивый математик Ю.Г. Борисович поменялся с кем-то местами, приволок выдавший виды железнодорожный матрас и устроил «мягкое купе». Продемонстрировал в действии свое очередное топологическое изобретение: большую пластиковую бутылку из-под газировки, обработанную кипятком. А милиционер вежливо подхихикивал над нами до тех пор, пока не уснул. Где-то глубокой ночью и уже, наверное, за Рязанью, Юрий Григорьевич со слабой надеждой в голосе тихо спросил:

— Да, так что вы сказали про ректорат? Пришлось сознаться, что пошутил. Борисович вздохнул с явным облегчением. И мы, до тех пор, пока сами не уснули, беседовали на литературные темы. Юрий Григорьевич читал достаточно много, но все больше, по моему, русскую классику и переводную западную литературу, а советскую почти совсем не знал.

Если говорить коротко, то наше ночное бдение в поезде было, в общем-то, посвящено разбору отдельных вопросов социалистического реализма...

Но были и серьезные случаи. В средствах массовой информации предупреждали, что террористы придумали рассылать по почте конверты, начиненные белым порошком явно зловредного действия. А тут на кафедру пришло письмо из Багдада на имя профессора Борисовича. Не удивительно, что Юрий Григорьевич не на шутку разволновался, ибо в Багдаде у него знакомых не было. Письмо, не распечатывая, отдали на исследование в специальную лабораторию. Порошка не нашли, а в письме была просьба выслать учебник по математике. Все, казалось бы, великолепно, но... Обсуждение вопроса у нас было коротким, я очень решительно напомнил Юрию Григорьевичу, что только что были приняты международные санкции против ученых из Санкт-Петербурга из-за реальной или мнимой поддержки международного терроризма. От высылки учебника в Ирак было решено отказаться. Академически корректный в поведении, а иногда и осторожный, в нужных случаях Юрий Григорьевич Борисович был принципиален. Так, например, он считал профессора Покорного-старшего человеком не слишком высоких моральных качеств и, разумеется, не считал возможным скрывать свое отношение к нему. Не будем сейчас

вспоминать эту историю, поэтому подробности — как-нибудь в другой раз. Кафедра алгебры и топологических методов анализа (КАТМА) была создана Ю.Г. Борисовичем в 1963 году, ею он заведовал до 2000 года. Сегодня, после известного половодья в деле защиты диссертаций, нельзя не сказать о следующем: профессор Ю.Г. Борисович был действительно крупным ученым, руководителем своей научной школы, и человеком широких взглядов.

Умер Юрий Григорьевич в 2007 году. На математическом факультете вышла о нем совершенно замечательная книга с названием «Борисович Юрий Григорьевич. Каким он был...». Книга читается с большим интересом. Трудно удержаться и не процитировать профессора А.С. Шварца: «Я с большой теплотой вспоминаю мои встречи с Юрием Григорьевичем.

Он был одним из самых ярких математиков Воронежа, который ... был богат на ярких людей. Пожалуй, из всех воронежских математиков он был самым знающим, самым информированным. Если возникал вопрос из любой области функционального анализа, следовало обращаться к Юрию Григорьевичу. Вклад Ю.Г. в функциональный анализ хорошо известен, его многочисленные ученики развили дальше его идеи».

Все, наверное, так. А для меня Юрий Григорьевич был и остается одним из тех людей, без которых я до сих пор с трудом представляю себе наш университет. Как бы это поточнее сказать? Не могу привыкнуть к тому, что их нет с нами.

Михаил ШТЕЙНБЕРГ

СЛЕДУЮЩИЕ ДВЕ ФОТОГРАФИИ БЫЛИ ОПУБЛИКОВАНЫ В ЭТОЙ СТАТЬЕ МИХАИЛА ЛЕОНИДОВИЧА ШТЕЙНБЕРГА:

Ю.Г.Борисович на озере Онтарио (Канада)

*Ю.Г.Борисович и Г.Н.Борисович
на одной из Летних Математических Школ в Кацивели (Крым)*